

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Е.Е. Буровой на тему
«ЗНАЧИМОСТЬ ОЗНАЧАЮЩЕГО: ТИПЫ ИНФОРМАЦИИ,
ВЫРАЖАЕМЫЕ ПРОСОДИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ РУССКОЙ
ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Работа Е.Е. Буровой посвящена «изучению просодии русской устной речи», которая понимается «близко к интонации» (с. 3). Просодия при этом рассматривается автором как «неотъемлемая часть феномена устного дискурса», изучаемого в рамках антропоцентрического подхода к анализу речи (говоря словами автора, «в рамках антропоцентрической парадигмы») (там же), и даже как такое же *означающее*, как, например, звук (с. 40). *Актуальность* и *научная новизна* рецензируемого исследования определяется при этом и прежде всего тем фактом, что Е.Е. Бурова обратилась не к адаптированной, подготовленной, а к реальной спонтанной речи, что имеет еще и серьезную *теоретическую и практическую значимость*.

В результате *цель* своего исследования Е.Е. Бурова сформулировала следующим образом: «выявить и детально охарактеризовать типы информации, выражаемые просодическим компонентом неподготовленной звучащей речи, в соотнесении с тремя аспектами функционирования языкового знака» (с. 13). Именно по такому плану и построена далее вся работа: просодия в соотношении с семантикой, синтактикой и прагматикой. Для анализа избирается каждый раз соответствующий *материал*: оперативные записи, в основном диалогического характера, или глубинные интервью, в которых преобладают монологические фрагменты. Общий объем проанализированного материала – около 3 часов звучания. Это не так много, что вполне компенсируется глубиной и тщательностью проведенного исследования.

В работе Е.Е. Буровой нет четкого противопоставления теоретической (обзорной) и исследовательской частей. Первая, собственно теоретическая, глава невелика по объему, но и в дальнейших трех главах описание материала перемежается с обзором литературы по соответствующей проблематике – например, о сегментации устного спонтанного текста на синтаксические единицы, подлежащие дальнейшему анализу, или о «связи интонации с коммуникативной структурой предложения, т. е. членением предложения на тему и ремю» (с. 100).

В частности, в главе 3 Е.Е. Букова убедительно показала, что паузация в спонтанном дискурсе не может служить критерием членения потока речи на синтагмы или более крупные коммуникативно значимые единицы: «изучение просодии с точки зрения ее роли в линейной организации звучащей речи позволяет сделать “отрицательный” вывод относительно корреляции паузации с синтаксикой высказывания» (с. 99). В главе 4 такой же вывод сделан об «отсутствии строгой корреляции между восходящим акцентом и темой и нисходящим акцентом и ремой» в рамках предложения (с. 101).

Интересной представляется идея Е.Е. Буровой о том, что «интонационная структура реплик <...> является одним из маркеров коммуникативного статуса участника общения» (с. 156). И эта идея на материале исследования вполне убедительно в работе доказана: выделены и продемонстрированы просодические корреляты речи «ведомого» и «ведущего» участников коммуникации. В заключение этой части работы Е.Е. Букова пишет, что «полученные в ходе анализа результаты доказывают несомненную важность просодии для понимания механизмов коммуникативного взаимодействия» (с. 183), с чем трудно не согласиться. Интересен в этом отношении и последний этап исследования – анализ хезитаций, реализованных как невербальное заполнение пауз и растяжки гласных и согласных звуков (с. 169).

Весь анализ материала в работе выполнен добротнo, тщательно и очень основательно, все положения наглядно иллюстрируются множеством рисунков, которых в тексте диссертации около 170.

Чтобы закончить констатирующую часть отзыва, скажу еще, что каждая из 4-х глав диссертации Е.Е. Буровой заканчивается лаконичными выводами, которые затем суммируются в заключении к работе.

Возникли, конечно, в ходе знакомства с работой и некоторые вопросы и замечания.

1. Так, весь материал рассматривается в свете системы интонационных конструкций (контуров) (ИК), предложенных в свое время Е.А. Брызгуновой. Каждый раз автор старается пояснить, почему было принято решение в пользу того или иного ИК. Мой вопрос: а были ли ситуации, когда однозначный выбор был все-таки невозможен? Я исхожу из того убеждения, к которому меня привел мой собственный исследовательский опыт, что в реальной речи найти четкие ИК можно только с большой натяжкой. А порой и нельзя вовсе.

2. На страницах работы Е.Е. Бурова не раз говорит о несоответствии просодии и передаваемого говорящим смысла, что рождает у меня и замечание, и пару вопросов. На каком основании, например, сделан вывод о таком несоответствии? Это субъективное мнение автора-исследователя? Насколько можно судить, никакого перцептивного эксперимента в работе не проводилось, а утверждение звучит весьма категорично, ср.: «Интонация и вербальный уровень здесь *совершенно противоположны друг другу* (курсив мой. – Н. Б.-Б.): Горшков сообщает, что *навязывать никто не будет* (курсив автора. – Н. Б.-Б.), а сам с помощью интонационных средств *навязывает* (курсив мой. – Н. Б.-Б.) свою точку зрения собеседнику» (с. 73). Вербальная сторона фразы действительно не содержит никакого жесткого требования, по интонограмме судить о наличии такого требования все же сложно, а звука никто, кроме автора, не слышал. Думаю, что субъективность в такого рода ситуациях не вполне научна.

3. Это было замечание, а вопросов получилось два. Во-первых, как количественно соотносятся между собой ситуации, когда интонационная структура высказывания согласуется с его лексико-грамматической структурой и когда не согласуется? Во-вторых, если не совпадают интенция говорящего и просодия его высказывания, то почему это рассматривается в главе, посвященной семантике, а не прагматике? На мой взгляд, семантика побуждения – это, скорее, прагматика, чем просто семантика.

4. Е.Е. Бурова свободно пользуется в своем исследовании терминами «предложение», «простое предложение», «сложное предложение», совсем не обсуждая того факта, что в устной спонтанной речи практически невозможно без потерь или некоторого насилия над текстом выделить предложение как синтаксическую единицу, пригодную для дальнейшего синтаксического анализа. В приводимых примерах даже расставлены знаки препинания. Получается, что автор сначала принудительно и на свое усмотрение выстроила синтаксическую структуру текстов, а потом стала проводить просодический анализ тех фрагментов дискурса, которые уже определены ею как предложения того или иного типа. Вряд ли с этим можно согласиться, особенно когда речь идет о протяженных монологических текстах.

5. Почти до самого конца работы материал, приводимый в качестве иллюстраций, производил впечатление «вычищенного» от всех примет спонтанности: обрывов, оговорок, вербальных хезитативов, самокоррекции и т. д. – от всего того, что неизбежно сопутствует спонтанному речепорождению. На с. 169 речь о заполненных паузах хезитации (вокализациях) и растяжках звуков как хезитационных элементах все же зашла. Но вопрос остался: были ли в материале другие приметы спонтанности, которые я только что перечислила, – обрывы слов, самокоррекция и проч.? Понимаю, что это не подлежало анализу в данной работе, но, если такие явления были, то куда они подевались из иллюстраций?

6. Любопытным представляется утверждение Е.Е. Буровой о том, что «маркеры хезитации напрямую связаны с проблемой определения

коммуникативного статуса говорящего в диалоге, <...> что существует следующая зависимость: чем больше в речи пауз и удлинённых реализаций фонем, тем больше усилий затрачивает говорящий на порождение высказываний. Следовательно, если один из собеседников испытывает больше затруднений при речепорождении, чем другой, то, видимо, он занимает более низкую позицию, чем его партнер по общению, т. е. является ведомым» (с. 170). Очень хочется поверить, что это действительно так, хотя и сомнение все же остается: думаю, что трудности со спонтанным речепорождением испытывает любой говорящий, а не только «ведомый». Заманчиво проверить на другом материале это предположение Е.Е. Буровой, но хочу поблагодарить ее уже за само это предположение.

7. Совсем маленький вопрос. Е.Е. Бурова упомянула в перечне материалов для анализа в своем исследовании аудио- и видеозаписи. Правильно ли я понимаю, что видеоматериалы к анализу совсем не привлекались?

Есть и несколько технических замечаний.

8. Так, неудобно, на мой взгляд, расположены рисунки по отношению к контекстам, которые они иллюстрируют. Автор выбрала вариант, когда сначала дается контекст с комментариями, а потом уже рисунок. При этом очень часто сразу после этого рисунка следует другой контекст, который своим расположением под предыдущим рисунком сбивает читателя. Логично было бы располагать контекст в подписи к рисунку и лишь после этого давать комментарий к ним обоим.

9. Первые два рисунка в работе (с. 15-16) вообще лишены какой бы то ни было лингвистической (контекстной) составляющей, что выглядит более чем странно.

10. В списке использованной литературы не разделены научные труды и словарные и справочные издания, что также не принято в квалификационных работах любого уровня.

В заключение скажу еще о формальных характеристиках исследования: объем научной литературы, которую проработала и описала Е.Е. Бурова, включает 169 наименований, вместе со словарями и статьями самого автора.

Работа Е.Е. Буровой прошла достойную *апробацию*: основные ее положения и результаты докладывались автором на 7 научных конференциях разного ранга и представлены в 6 публикациях, 4 из которых – из списка, рекомендованного ВАК РФ.

Таким образом, можно считать, что все обязательные требования к кандидатским диссертациям в данном случае выполнены. Высказанные вопросы и замечания несколько не снижают общего положительного впечатления, которое производит рецензируемая работа.

В целом диссертация Е.Е. Буровой на тему: «Значимость означающего: типы информации, выражаемые просодическим компонентом русской звучащей речи», является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний.

Работа соответствует всем критериям, установленным пп. 9-11, 13, 14 Положения о порядке присуждения ученых степеней (постановление правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г., в действующей редакции), а ее автор, Е.Е. Бурова, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета
Богданова-Бегларян Наталья Викторовна

26.03.24

ПОДПИСЬ РУКИ
Богдановой-Бегларян Натальи Викторовны
УДОСТОВЕРЯЮ

26 МАР 2024

Специальность, по которой
официальным оппонентом защищена диссертация:
10.02.01 – Русский язык

Адрес места работы:
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11
Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Тел.: +7-921-300-9497
e-mail: n.bogdanova@spbu.ru